

## **Сравнительно-правовой анализ института наследственного договора в праве России, Франции и Германии**

**А. А. Гаджиев**

кандидат юридических наук, главный юрисконсульт ООО «АТВ ГРУПП».

Адрес: 141006, Московская область, Мытищи, пр-т Олимпийский, владение 29, стр. 2.

E-mail: [adil\\_ha3@mail.ru](mailto:adil_ha3@mail.ru)

## **Comparative Legal Analysis of Hereditary Institution Contract in Russia, France and Germany Law**

**A. A. Hajiyev**

PhD in Law, Chief Legal Counsel of ATV GROUP LLC.

Address: 2 Buildin 29 Olympic Avenue, Mytishchi, Moscow Region, 141006, Russian Federation.

E-mail: [adil\\_ha3@mail.ru](mailto:adil_ha3@mail.ru)

### **Аннотация**

В статье представлено исследование актуальных проблем института наследственного договора в праве России, Франции и Германии. В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы, такие как анализ, сравнение, структурный, системный и функциональный подходы и др. Основу научного исследования составил метод сравнительного анализа, который позволил выявить наиболее насущные и коллизионные нюансы юридической конструкции наследственного договора. Анализ нормативно-правовых норм, доктрин, судебной и нотариальной практик в праве России, Франции и Германии позволяет сделать вывод о том, что преимущества юридической конструкции наследственного договора для наследодателя не очевидны. Кроме того, данный институт является характерным и традиционным для немецкого наследственного права, где изначально он и формировался в конце XIX – XX в. Французское законодательство вплоть до 2016 г. отказывалось от института наследственного договора, однако после принятия Директивы ЕС № 650/2012 «О компетенции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении публичных свидетельств по наследственным делам, а также по вопросу о введении единого европейского свидетельства о наследстве» французские законодатели признали наследственный договор как способ распоряжения имуществом наследодателя, но с оговоркой, которая допускает только признание наследственных договоров, заключенных в других странах ЕС. Институционализация юридической конструкции наследственного договора в российском гражданском законодательстве с 1 июня 2019 г. вызывает множество вопросов с правовой и с практической точки зрения, более того, отсутствие достаточного научного исследования практики заключения наследственных договоров в зарубежных странах, исследования нотариальной и судебной практики оставляет судьбу статьи 1140.1 ГК РФ относительно неопределенной. В современном мире законодатели стран находятся в процессе поиска и выработки наиболее эффективного правового способа распоряжения имуществом наследодателя на случай смерти. Однако вводимые законодательные нововведения, как правило, требуют проведения широкомасштабного научного исследования, основанного на социально-экономической политике государства и потребностей сформировавшихся общественных отношений. В случае произвольного копирования норм права зарубежных стран внутригосударственное законодательство не развивается, а наоборот, разрушается.

**Ключевые слова:** институционализация, наследование, национальное законодательство, гражданский кодекс, право, директива ЕС, наследственные отношения, юридическая конструкция, наследодатель, унификация, тенденции, коллизия, нотариальная практика, судебная практика.

### **Abstract**

The article presents a study of topical problems of the institution of a hereditary contract in the law of Russia, France and Germany. In the study, general scientific and particular scientific methods were used, such as: analysis, comparison, structural, systemic and functional approaches, etc. The basis of scientific research was the method of comparative analysis, which made it possible to identify the most pressing and conflicting nuances of the legal

structure of the inheritance contract. An analysis of the legal norms, doctrines, judicial and notarial practices in the law of Russia, France and Germany allows us to conclude that the advantages of the legal structure of the inheritance contract for the testator are not obvious. In addition, this institution is characteristic and traditional for German inheritance law, where it was originally formed at the end of the 19th-20th centuries. Until 2016, French legislation abandoned the institution of an inheritance contract, however, after the adoption of EU Directive No. competence, applicable law, recognition and enforcement of decisions, acceptance and enforcement of public certificates in inheritance cases, as well as on the issue of introducing a single European certificate of inheritance "French legislators recognized the inheritance contract as a way of disposing of the testator's property, but with a clause that allows only recognition of inheritance contracts concluded in other EU countries. Institutionalization of the legal structure of the inheritance contract in Russian civil law from 06/01/2019. raises many questions from a legal and practical point of view, moreover, the lack of sufficient scientific research into the practice of concluding inheritance contracts in foreign countries, the study of notarial and judicial practice leaves the fate of article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation is relatively uncertain. In the modern world, legislators of countries are in the process of finding and developing the most effective legal way to dispose of the testator's property in the event of death. However, the introduced legislative innovations, as a rule, require a large-scale scientific research based on the socio-economic policy of the state and the needs of the formed social relations. In the case of arbitrary copying of the legal norms of foreign countries, domestic legislation does not develop, but rather destructures.

**Keywords:** institutionalization, inheritance, national legislation, civil code, law, EU directive, inheritance relations, legal structure, testator, unification, trends, conflict, notarial practice, judicial practice.

Развитие экономических отношений, усиление процессов глобализации и их усложнение трансграничным элементом приводит к неминимизируемой необходимости для законодательных органов стран усовершенствования правовой регламентации наследственных отношений. Ключевым фактором, оказывающим влияние на совершенное правовое регламентирование наследственных отношений, служит повышенный государственный и общественный интерес [8].

В рамках наследственного права государство реализует свою социально-экономическую политику в отношении индивида, а общественный интерес основывается на необходимости государства гарантировать права собственности лица, которое позволит ему определить последующую судьбу имущества. В рамках права собственности лицо имеет возможность свободно, по своему усмотрению распоряжаться имуществом, находящимся в собственности, на случай смерти путем составления завещания или путем распределения наследства в той очередности, которая предусмотрена в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отмеченные виды наследования с учетом социально-экономической и исторической специфики зарождения и формирования являются традиционными способами распоряжения имуществом умершего для российского, французского и немецкого законодательства [11].

Повышенный интерес государства к сфере наследования обосновывается тем, что оно является одним из источников пополнения государственного бюджета. Например, судами в России ежегодно рассматриваются наследственные дела на сумму, превышающую 20 млрд рублей. Только поступления от уплаты государственной пошлины за 2018 г. составили более 400 млн рублей. В зарубежных странах по сравнению с Россией налог на имущество, переходящее в порядке наследования, существенно выше. Например, в Германии ежегодно в государственную казну поступает не менее 7 млрд евро, при этом данный показатель возрастает<sup>1</sup>.

Исследование законодательных тенденций развития наследственного права в России, Франции и Германии показывает, что наследственное право является достаточно консервативной частью гражданского права в целом. Несмотря на попытки законодателей внести изменения, поправки и нововведения, предлагаемые новшества повсеместно сопровождаются бурной дискуссией и критикой. В итоге уже сложившиеся традиционные институты наследственного права сохраняют свое былое преимущество в неизменном виде [7]. Причины, вызывающие необходимость реформирования наследственного права в России и зарубежных странах, всегда разные, но общий вектор развития один – разработать наиболее совершен-

<sup>1</sup> См.: *Steueraufkommen nach Steuerarten / Statistisches Jahrbuch // Finanzen und Steuern. – 2017. – P. 275. – URL:*

*[https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/FinanzenSteuern.pdf;jsessionid=299EC0745EB51468D755A8C9CE527D29.InternetLive1?\\_\\_blob=publicationFile](https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/FinanzenSteuern.pdf;jsessionid=299EC0745EB51468D755A8C9CE527D29.InternetLive1?__blob=publicationFile)*

ную правовую конструкцию распоряжения имуществом наследодателя на случай смерти [5]. В целях достижения поставленных задач законодателя России, Франции и Германии на основе анализа уже существующих институтов наследственного права в зарубежных странах выделяют наиболее эффективные и внедряют их в свое национальное право. Наиболее ярким примером представляется институт наследственного договора, который был введен в российское право (с 1 июня 2019 г.).

Данный институт является традиционным для немецкого наследственного права, однако абсолютно чуждым для французского права. Несмотря на попытки унификации общеевропейских стандартов регулирования наследственных отношений и призыва ввести институт наследственного договора во французское наследственное право, изначально французские законодатели так и не пошли по пути институционализации данной юридической конструкции в гражданское законодательство.

Основой современного института наследственного договора во Франции и Германии выступает Директива ЕС № 650/2012 «О компетенции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении публичных свидетельств по наследственным делам, а также по вопросу о введении единого европейского свидетельства о наследстве» (далее – Директива)<sup>1</sup>. Данная Директива особое внимание уделяет вопросам введения во всех странах ЕС таких институтов, как наследственный договор и совместное завещание супругов. Анализ содержания Директивы позволяет сделать вывод о том, что именно основополагающие элементы и признаки института наследственного договора Германии (книга пятая, раздел четвертый ГУ ФРГ) легли в основу общеевропейской политики унификации наследственных отношений.

В тексте Директивы разъясняются унифицированные понятия: «наследственное правопреемство», «наследственный договор» и др. «Наследственный договор» определяется как «соглаше-

ние, включая соглашение на основе взаимных завещаний, которое на возмездной или безвозмездной основе является основанием возникновения, изменения или прекращения прав на будущее наследство одного или нескольких участвующих в этом соглашении лиц» (статья 3 Директивы).

Традиционное французское гражданское право до недавнего времени категорически отвергало и признавало аморальными сделки, а именно *pactes sur succession future*, т. е. сделки о наследстве на будущее<sup>2</sup>. Однако в настоящее время французские законодатели проявили лояльность и допустили заключение наследственного договора (с оговоркой, которая существенно умоляет суть данного института)<sup>3</sup>.

В 2016 г. под влиянием Директивы ЕС № 650/2012 французское гражданское право претерпело существенные изменения: французские законодатели (статья 722 ГК Франции) допустили заключение наследственных договоров в случаях, предусмотренных в законе, а какие именно это случаи, законодатель до сих пор умалчивает. Данная оговорка обеспечила сохранность традиционных способов распоряжения имуществом на случай смерти наследодателя, но при этом допустила признание наследственных договоров, заключенных в странах Европейского союза [1].

Таким образом, французские законодатели признали наследственный договор одним из способов распоряжения имуществом наследодателя, но признали в той степени, в которой не нарушаются сложившиеся традиционные институты наследственного права<sup>4</sup>.

Юридическая конструкция института наследственного договора в начале введения в законодательство Германии подвергалась довольно негативной критике, однако в начале XIX – XX в. немецкие цивилисты и законодатели признали обоснованность существования наследственного договора как способа распоряжения имуществом наследодателя.

Нормы, регулирующие содержание наследственного договора, закреплены в § 1941 Граждан-

<sup>1</sup> См.: Verordnung (eu) Nr. 650/2012 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 4. Juli 2012 über die Zuständigkeit, das anzuwendende Recht, die Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen und die Annahme und Vollstreckung öffentlicher Urkunden in Erbsachen sowie zur Einführung eines Europäischen Nachlasszeugnisses. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex%3A32012R0650>

<sup>2</sup> См.: Часть 2 статьи 1130 ГК Франции / Code civil (Dernière modification: 1 mars 2019). – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

<sup>3</sup> См.: Статья 722 ГК Франции // Code civil (Dernière modification: 1 mars 2019). – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

<sup>4</sup> URL: <https://www.heritage-succession.com/article-les-pactes-sur-succession-future.html>

ского уложения ФРГ. Согласно данному параграфу наследодатель вправе назначить наследника с помощью договора, определить полномочия и обязанности, выбрать подлежащее применению наследственное право (наследственный договор). Одновременно согласно части 2 § 1941 ГУ ФРГ наследником (наследником по договору) или отказополучателем может быть определена как другая сторона договора, так и третье лицо.

Немецкие законодатели рассматривают наследственный договор как исключительно личную сделку. Следовательно, наследственный договор должен быть подписан наследодателем лично, представительство при этом запрещено. Напротив, для другой стороны наследственного договора допускается представительство. Способность наследодателя заключить соответствующий договор не исчерпывается ни дееспособностью завещателя (§ 2229), ни дееспособностью вообще (§ 104). Для определения дееспособности наследодателя заключить наследственный договор действуют свои собственные правила. Согласно § 2275 ГУ ФРГ наследодатель вправе заключить наследственный договор, когда он имеет неограниченную дееспособность. Несмотря на императивный характер требования этой статьи, немецкое законодательство допускает исключения. Так, например, ограниченно дееспособный наследодатель может заключить наследственный договор со своей супругой (супругом), с лицом, с которым помолвлен наследодатель, однако лишь с согласия законного представителя, а если наследодатель находится под опекой, то с согласия суда по делам опеки.

Законодатели Германии особое внимание уделяют содержанию наследственного договора. В соответствии с гражданским правом Германии содержание наследственного договора не может быть определено по усмотрению сторон. В практике применяются строго определенные законом образцы договоров. Согласно § 2278 ГУ ФРГ в наследственный договор могут быть включены соответствующие договору распоряжения на случай смерти только о назначении наследника, завещательном отказе и завещательном возложении. Остальные нюансы не могут относиться к содержанию наследственного договора, а в случае если завещатель желает изъять свою окончательную волю в одностороннем порядке со своими

требованиями, с точки зрения законодателя он вправе составить завещание.

Современные тенденции развития права в странах, относящихся к романо-германской правовой семье, вызывают необходимость усовершенствования и российского наследственного права. Так, с 1 июня 2019 г. в ГК РФ (статья 1140.1) допускается заключение наследственного договора<sup>1</sup>.

Институционализация юридической конструкции наследственного договора является предметом множества дискуссий среди российских цивилистов и законодателей. Безусловно, для внедрения того или иного правового института в национальное законодательство в первую очередь необходимо выявить потребность общественных отношений в более совершенном правовом регулировании, проанализировать их, рассмотреть законодательные нормы, судебную и нотариальную практику их решения и применения в зарубежных странах, оценить их положительные и отрицательные стороны и только потом институционализировать. Именно проведение широкомасштабной аналитическо-правовой работы, основывающейся на балансе социально-экономической политики государства и правовой потребности участников гражданских правоотношений, является залогом совершенного права. Иначе судьба любого правового нововведения, носящего характер копирования или введенного в угоду общеевропейским тенденциям развития, останется неопределенной.

Следует отметить, что, например, определение наследственного договора в вышеуказанной Директиве ЕС № 650/2012 значительно проще и ясней той формулировки, которую предложил российский законодатель, указывая, в частности, на то, что этим договором должен регулироваться «порядок перехода прав на наследство», что существенно противоречит как статье 1110 ГК РФ, так и сути этой юридической конструкции.

Согласно части 2 статьи 1110 ГК РФ наследование регулируется Гражданским кодексом РФ и другими законами, а в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами. Данная норма является специальной, императивной и недвусмысленно устанавливает источники права наследования. В противовес этой норме законодатель в части 1 статьи 1140.1 ГК РФ определяет,

<sup>1</sup> Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 23.07.2018. – № 30. – С. 4552.

что наследственный договор определяет «порядок перехода права наследодателя после его смерти». По сути, законодатель наделяет наследодателя правом формировать свой порядок перехода права, который может кардинально отличаться от порядка, предусмотренного ГК РФ. Описанная формулировка явно контрастирует с формулировками немецких и французских законодателей. Например, в соответствии с § 1941 ГУ ФРГ наследодатель имеет право предусмотреть в наследственном договоре следующее: определить наследников; установить завещательные отказы и возложения и избрать подлежащее применению право наследования.

Столь широкое коллизийное определение понятия наследственного договора российским законодателем приводит к обоснованным дискуссиям среди отечественных цивилистов. Представляется, что данная коллизия является крайне опасной не только для правоприменительной практики как нотариальной, так и судебной, но и в экономическом смысле. Нередки случаи, когда наследодатели оставляют предприятия с немалым штатом работников, рабочей техникой, производственными материалами и т. д., которые при неправильном толковании и применении норм права могут быть утрачены. Кроме того, данная коллизия может затянуть во временном промежутке спор среди наследников и процесс вступления в наследство на года.

Критическим аспектом, усложняющим роль и место юридической конструкции наследственного договора в современном российском гражданском праве, является произвольное включение статьи 1140.1 ГК РФ в главу 62, посвященную определению правил наследования по завещанию, которое в отличие от наследственного договора по правовой природе является односторонней сделкой [1. – С. 104].

Нельзя не согласиться, что завещание и наследственный договор являются альтернативными способами распоряжения имуществом на случай смерти и оба института направлены на защиту и выражение заключительной воли наследодателя. Однако при неглубоких научных исследованиях становится очевидным, что они по своей правовой природе кардинально отличны друг от друга. Сплетение названных юридических конструкций приведет к существенным трудностям и коллизиям в нотариальной и судебной правоприменительной практике.

Кроме того, столь громоздкое содержание статьи 1140.1 ГК РФ не является показателем технико-юридического мастерства.

В зарубежной и российской практике часто встречаются случаи, когда столь широкое наполнение одной статьи приводит к трудностям в правоприменительной практике. Аналогичные институты в гражданском законодательстве Германии регулируются нормами разных разделов. Наследование по завещанию основано на норме раздела 3 книги 5 ГУ ФРГ, а наследование на основании наследственного договора регулируется нормами раздела 4 книги 5 ГУ ФРГ.

Проведенный анализ зарубежного опыта по данной проблематике позволяет отметить, что далеко не все страны используют практику институционализации наследственного договора. Причем в значительной части стран этот вид договора не предусматривается либо прямо запрещен. В самой немецкой цивилистике до сих пор встречаются дискуссии о неэффективности юридической конструкции наследственного договора, более того в правоприменительной практике часто возникают коллизии, которые приводят к долгим растянутым во временном интервале спорам и разделу имущества наследодателя [2; 3; 4; 6; 7; 9; 10; 12; 13]. Поэтому говорить сегодня о каком-либо устойчивом единообразии и однородности подходов к институту наследственного договора не приходится, что в значительной степени продиктовано самой природой и юридическим характером этого вида гражданско-правовых сделок.

В заключение хотелось бы отметить, что существенными аспектами, обосновывающими законодательную регламентацию институтов наследственного права в рассматриваемых странах, являются их исторические истоки возникновения и пути развития, которые не могут рассматриваться в разрыве от социально-экономической политики государства и потребностей общественных отношений. Законодатели стран в попытках поиска наиболее совершенной правовой формулы регламентации наследственных отношений в целом обязаны выявлять тонкости общественных отношений, основываясь на судебной и нотариальной практике, которые нуждаются в правовой регламентации, и только потом исключительно точно рассматривать зарубежные наследственно правовые конструкции как эффективные инструменты решения отечественных наследственно правовых проблем. Так, закрепление юридической конструкции института наследственного договора в праве

Германии не означает необходимость его внедрения во французское или российское право, поскольку последним присущи свои исторически традиционно сложившиеся особенности регулирования наследования, актуальные на современном правовом этапе развития государства и общества.

Последние научные исследования зарубежной нотариальной и судебной практики показывают, что традиционные юридические конструкции распоряжения имуществом (наследование по закону и наследование по завещанию) наследодателя сохраняют наибольшую актуальность, а альтернативные способы распоряжения имуществом необходимы относительно небольшому проценту общества, владеющему значительными финансовыми и экономическими ресурсами. Последние также нередко распоряжаются своим имуществом путем составления завещания. Традиционно устоявшиеся

институты наследственного права, проверенные временем и практикой, в наибольшей степени защищают интересы наследодателя, обеспечивают баланс среди наследников и гарантируют конструктивное развитие права и экономик стран.

В связи с этим последующие пути развития наследственного права как неотъемлемой части гражданского права должны иметь целью совершенствование уже имеющихся правовых инструментов распоряжения имуществом наследодателя на основе сформировавшихся практических изъяснов, которые сегодня создают трудности в судебной и нотариальной деятельности. При решении отмеченных задач следует анализировать и тенденции развития общественных отношений и, опираясь на динамику этих тенденций, разрабатывать актуальную юридическую конструкцию.

### Список литературы

1. Гаджиев А. А. Правовое регулирование наследственных отношений в России, Франции и Германии : дисс. ... канд. юрид. наук. – М. : Российский университет дружбы народов, 2021. – С.104.
2. Матвеев И. В. Наследственный договор // Хозяйство и право. – 2008. – № 11. – С. 39–44.
3. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. – 2015. – № 1. – С. 6–9.
4. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs / Jan Ulrich. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. – XIV.
5. Dutta A. Warum Erbrecht? Das Vermögensrecht des Generationenwechsels in funktionaler Betrachtung. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2014. – XX.
6. Erbvertrag und Synallagma / von Daniela Rothe. – Berlin : Duncker & Humblot, 2008.
7. Grimaldi M. Droit civil: successions. – 6e. éd. – Paris : Litec, 2001. – XII.
8. Malaurie P., Brenner C. Droit des successions et des libéralités. – Paris : LGDJ, une marque de Lextenso, 2016.
9. Malaurie, Ph. Les successions, les libéralités / Philippe Malaurie. A jour au 31 décembre 2003. – Paris : Defrénois, 2004. – XII.
10. Nachlassrecht: Erbfolge, Testament, Erbvertrag, Pflichtteilsrecht, Rechtspflege, Insolvenz, Verfahren, Erbschaftsteuer und IPR / Hans Lothar Graf. – 11. Auflage. – München : Beck, CH, 2018.
11. Schotten G., Schmellenkamp C. Das Internationale Privatrecht in der notariellen Praxis / von G. Schotten und C. Schmellenkamp. 2., neu bearb. und erg. Aufl. – München : Beck, 2007. – XLVII.
12. Terré F., Lequette Y., Gaudemet S. Droit civil : Les successions. Les libéralités // Dalloz. – 2013.
13. Wilke U. Willensherrschaft und Nachlassbindung. – Frankfurt am Main : Wolfgang Metzner Verlag, 2017.